Т. Ю. Кобищанов
ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова,
Москва

БЕДНЫЙ, БЕДНЫЙ ЛЮДОВИК… ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В СИРО-ЛИВАНСКИХ ХРОНИКАХ

Статья посвящена восприятию Французской революции 1789–1799 гг. сиро-ливанскими современниками. Весной 1799 г. Сирия подверглась вторжению республиканских войск под командованием Наполеона Бонапарта. Одной из причин неудачи похода стало отсутствие деятельной поддержки французскому войску со стороны местного христианского населения. Основания настороженной позиции сиро-христиан выявляются при анализе исторических хроник, принадлежащих перу Йусуфа ‘Аббуда, Никулы ат-Турка, Ханании аль-Мунаййира и Абдаллаха Трада. Получая информацию о событиях во Франции преимущественно от католического духовенства, христиане Сирии и Ливана видели в революционерах и в попавшем под их влияние французском народе адептов «дьявольской ереси», предавшихся порокам, убивших своего короля и стремившихся распространить пагубные убеждения на другие страны. В статье показано, как жители Сирии интерпретировали незнакомые им общественно-политические концепции республиканского правления, свободы личности и равенства перед законом; как им виделся ход революции во Франции и начало войн Республики с коалицией европейских монархий. Особое внимание уделяется центральному, с точки зрения сирийских католических хронистов, событию революции – казни помазанника Божьего короля Людовика XVI. Демонстрируется отличие позиций летописцев в зависимости от степени их личного знакомства с французскими солдатами и офицерами, а также от того, кто являлся конечным адресатом их сочинений.

Ключевые слова: Французская революция, Сирийский поход Наполеона Бонапарта, казнь Людовика XVI, арабо-французские отношения, христиане Ближнего Востока

Цитирование: *Кобищанов Т. Ю.* Бедный, бедный Людовик… Французская революция в сиро-ливанских хрониках. https://doi.org/10.32608/0235-4349-2025-1-58-197-229 // Французский ежегодник. 2025. Т. 58. С. 197-229.

Поступила в редакцию: 21.02.2025
Принята к печати: 15.03.2025

Taras Y. Kobishchanov
IAAS Lomonosov MSU,
Moscow

POOR, POOR LOUIS… THE FRENCH REVOLUTION IN THE SYRO-LEBANESE CHRONICLES

The article is devoted to the perception of the French Revolution of 1789–1799 by the Syrian-Lebanese contemporaries. In the spring of 1799, Syria was invaded by Republican troops under the command of Napoleon Bonaparte. One of the reasons for the failure of the campaign was the lack of active support for the French army from the local Christian population. The reasons for the cautious position of the Syro-Christians are revealed by analyzing the accounts written by the chroniclers Yusuf 'Abboud, Nikula al-Turk, Hananiah al-Munayyir and Abdallah Trad. Receiving information about the events in France primarily from the Catholic clergy, the Christians of Syria and Lebanon saw the revolutionaries and the French people who had fallen under their influence as adherents of the 'diabolical heresy', who had succumbed to vices, killed their king and sought to spread harmful beliefs to other countries. The article shows how the residents of Syria interpreted the socio-political concepts of republican government, individual freedom and equality before the law, which were unfamiliar to them; how the people of the Middle East saw the course of the revolution in France and the beginning of the Republic's wars with the coalition of European monarchies. Special attention is paid to the central event of the revolution, from the point of view of the Syrian Catholic chroniclers – the execution of the anointed of God, King Louis XVI. The author demonstrates the difference between the positions of chroniclers, depending on the degree of their personal acquaintance with French soldiers and officers, as well as who was the final addressee of their writings.
Keywords: French Revolution, Syrian campaign of Napoleon Bonaparte, execution of Louis XVI, Arab-French relations, Christians of the Middle East
Citation: Kobishchanov, T., (2025). Bednyĭ, bednyĭ Liudovik… Frantsuzskaia revoliutsiia v siro-livanskikh khronikakh [Poor, Poor Louis… The French Revolution in the Syro-Lebanese Chronicles]. https://doi.org/10.32608/0235-4349-2025-1-58-197-229. *Annual of French Studies*, 2025, vol. 58, p. 197-229.

“Тень Людовика зрю стоящу
Окровавленную средь вас,
На лобном месте возносящу
Последний вам свой скорбный глас:
«Что, дети, что, народ мой славный,
Что вам такое сделал я?
Вы скиптр вручили мне державный:
Чем постыдилась власть моя?”
Державин Г. Р.
«На панихиду Людовика XVI», 1793 г.

Французская революция 1789–1799 гг. по праву считается одним из важнейших всемирно-исторических событий «долгого» XVIII столетия. Влияние революционной трансформации во Франции ощущалось не только в Европе, но и в других регионах, включая Ближний Восток. Османская империя, крупнейшее государство Средиземноморья, в череде антифранцузских войн несколько раз переходила с одной стороны на другую. Внешнеполитические метания Стамбула от традиционно союзнических Парижу отношений к открыто враждебным и обратно к дружественным свидетельствовали о превращении Османского государства во второстепенную державу, вынужденную искать защиту у более могущественных покровителей.

Произошедшие в 1789–1799 гг. во Франции и вокруг нее события, а также последовавшие Наполеоновские войны непосредственно повлияли не только на международную ориентацию султанских властей, но и на турецкую политико-правовую мысль. Этому воздействию посвящен ряд значимых исследований, начиная со ставших классическими трудов Бернарда Льюиса[1] и Стенфорда Шоу[2], и вплоть до относительно недавних публикаций, в числе которых следует отметить работы Фатиха Йешиля, Исмаила Сойсаля и Кахрамана Сакуля[3]. По мнению большинства

[1] *Lewis B.* The Impact of the French Revolution on Turkey: Some Notes on the Transmission of Ideas // Journal of World History 1. 1953. № 1. P. 105–125.

[2] *Shaw S. J.* Between Old and New: The Ottoman Empire under Sultan Selim III, 1789–1807. Cambridge, 1971.

[3] *Yeşil, Fatih.* Looking at the French Revolution through Ottoman Eyes: Ebubekir Ratib Efendi’s Observations // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. 2007. Vol. 70. № 2. P. 283–304; *Soysal, İsmail.* Fransız İhtilâli ve Türk-Fransız Diplomasi Münasebetleri. Ankara, 1999; *Kahraman, Sakul.* An Ottoman global moment: War of Second Coalition in the Levant. A Dissertation submitted to the Faculty of the Graduate School of Arts and Sciences of Georgetown University. Washington, 2009.

историков, позиция османских элит относительно революционных перемен во Франции и ее сателлитах эволюционировала от снисходительного безразличия к довольно вялому интересу. Последний сменился острым беспокойством на фоне ликвидации Наполеоном Бонапартом Венецианской республики в октябре 1797 г. и перерос в страх и враждебность после вторжения войск под его командованием в Египет в июле 1798 г. Успехи французского оружия побудили ряд высокопоставленных чиновников Высокой Порты[4] и лиц из непосредственного окружения султана Селима III (1789–1807 гг.) попытаться понять идеологию армии, одерживавшей столь яркие победы. При этом исследователи солидарны в том, что идеи Просвещения и Французской революции оказались в конце XVIII в. искаженно и поверхностно восприняты изучавшими их османскими чиновниками и придворными. Модернизационные реформы Селима III, получившие название «Новый порядок» (осман. *низам-и джедид*), были запущены вне связи с политическими процессами во Франции и имели целью военно-административное преобразование вооруженных сил и системы управления по образцу европейских монархий.

Что касается арабских провинций Османской империи, то население Египта, ставшего первой целью Восточного похода Бонапарта, вплоть до самого вторжения не проявляло интереса к событиям в Европе. В период интервенции картина изменилась, и на страницах хроник почтенных каирских богословов ‘Абд ар-Рахмана аль-Джабарти (1753–1825/26) и ‘Абдаллаха аш-Шаркави (1737–1812) содержится немало характеристик республиканской армии и ее командования, наблюдений за непривычными нравами и традициями французов и даже размышления о сущности революционных преобразований. Египет находился под оккупацией три года, с середины 1798 по середину 1801 г., на протяжение которых с европейцами близко взаимодействовали – прислуживали, сотрудничали, торговали, общались, подчинялись, сопротивлялись и сражались – десятки тысяч жителей страны. О влиянии, которое оказали эти три года на мировоззрение египтян, написано немало работ[5]. Куда меньше исследовано то, как воспринималась

[4] Порта, Высокая Порта – принятое в Европе наименование османского центрального правительства.

[5] Выделим в их числе труды Ами Аялона (*Ayalon A.* Language and Change in the Arab Middle East: The Evolution of Modern Arabic Political Discourse. New York, Oxford, 1987), Томаса Филиппа (*Philipp Th.* The French and the French Revolution in the Works of al-Jabarti //

Французская революция населением Сирии. В последние годы эту лакуну частично заполнили отечественные исследователи Е. А. Прусская, Д. Р. Жантиев и С. А. Кириллина[6], однако в фокусе их внимания преимущественно находился период непосредственного французского вторжения в Левант. О том, насколько хорошо до 1798–1799 гг. жители Сирии знали о происходивших в Европе событиях и что они об этом думали, полномасштабных исследований до сих пор не проводилось.

Подобно их египетским единоверцам, сирийских мусульман совершенно не интересовали войны и перевороты, сотрясавшие Европу в конце XVIII в. Никаких упоминаний о «странах христиан» не содержат ни хроника янычара из Дамаска суннита Хасан-аги аль-‘Абда[7] (ум. 1826), ни шиитов из южноливанского Джабаль ‘Амиля отца и сына ар-Рукайни (1749–1832 гг.)[8]. Напротив, в трудах христианских летописцев Сирии и Ливана мы встречаем описания Французской революции и последовавших за ней европейских войн: у одних авторов весьма краткие, у других – достаточно развернутые. В анналах «Бейрутской церковной летописи» православный Абдаллах ибн Михаил Трад (ум. после 1824) в небольшом абзаце упоминал о революции и войнах Французской Республики и империи[9]. Толику внимания уделил политическим катаклизмам в Европе и ливанский монах-*шувайрит*[10] Ханания аль-Мунаййир

Eighteenth Century Egypt: The Arabic Manuscript Sources / Ed. by D. Crecelius. Los Angeles, 1990. P. 127–140), Светланы Кириллиной (*Кириллина С. А.* Исламские институты Османского Египта в XVIII – первой трети XIX века. Lewiston, 2000) и Евгении Прусской (*Прусская Е. А.* Французская экспедиция в Египет 1798–1801 гг.: взаимное восприятие двух цивилизаций. М., 2016).

[6] *Прусская Е. А.* Арабские хроники как источник по истории Египетской экспедиции Бонапарта // ФЕ. 2010. Т. 42. С. 274–290; *Жантиев Д. Р., Кириллина С. А.* «Свои» – «чужие»: французское вторжение в Левант на рубеже XVIII–XIX вв. глазами арабских современников // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. Выпуск 12 (98). Часть I.

[7] *al-‘Abd, Ḥasan-ağa.* Tārikh Ḥasan-agha al-‘Abd: ḳiṭ‘a minhu. Ḥawādith sanat 1186 ilā sanat 1241 H (История Хасан-аги аль-‘Абда. Отрывок. События 1186–1241 гг. X) / Ed. Na‘īsa, Yūsuf Jamīl. Dimashḳ, 1979.

[8] *al-Rukaynī, Ḥaydar Riḍā.* Jabal ‘Āmil fī-l-ḳarn, 1163–1247 H / 1749–1832 M. Bayrūt, 1997; см. также: *Sajdi, Dana*. In Other Worlds? Mapping Out the Spatial Imaginaries of 18th-Century Chroniclers from the Ottoman Levant (Bilād al-Shām) // Osmanlı Araştırmaları / The Journal of Ottoman Studies. 2014. Vol. 44. P. 378–383.

[9] *Трад, Абдаллах*. Краткая история епископов, восходивших на высокую архиерейскую кафедру города Бейрута / Пер. И. Г. Константинопольского) // Арабы-христиане в истории и литературе Ближнего Востока. М., 2013. С. 178–179.

[10] Братство *шувайритов* – греко-католический орден басилиан (василиан) Св. Иоанна Крестителя (лат. Ordo Basilianus Sancti Johannis Baptistae Melkitarum). Основан в 1712 г. в селении Шувайр в Горном Ливане. Признан Ватиканом в 1757 г. В настоящее время насчитывает 6 монастырей (все в Ливане) и около 50 монахов.

(1756–1823)[11]. Куда чаще это делал на страницах своей объемной хроники маронит эмир Хайдар Ахмад аш-Шихаби (1761–1835), кузен Башира II, правящего эмира Горного Ливана[12].

Основой данного исследования стали две сиро-ливанские хроники, в которых содержится наиболее пространное описание событий, происходивших во Франции в 1789–1798 гг. Обе они принадлежат перу греко-католиков (мелькитов): Йусуфа ‘Аббуда и Никулы ат-Турка. Анналы Йусуфа ‘Аббуда относительно слабо введены в научный оборот, его текст, посвященный событиям Французской революции, еще не подвергался историографическому анализу. Что касается Никулы ат-Турка, то соответствующий фрагмент его сочинения в обеих опубликованных редакциях – от 1839 г. (*Зикр тамаллюк джумхур аль-фарансавия аль-актар аль-мысрия ва-ль-биляд аш-шамия* – араб. «Воспоминания об овладении республикой французов Египтом и странами Шама [Леванта]»)[13] и 1950 г. (*Музаккират Никула Турк* – араб. «Записки Никулы Турка»)[14] – исследован намного лучше. Данный раздел первой редакции был издан в 2010 г. на русском языке Е. А. Прусской[15]. Не затерялось сочинение ат-Турка и на его родине. В частности, отрывок, посвященный истории Французской революции, практически дословно вошел в хронику эмира Хайдара аш-Шихаби[16]. В нашем исследовании использованы арабские тексты обеих редакций.

---

[11] Летопись аль-Мунайййра *Ад-дурр аль-марсуф фи тарих хаш-Шуф* («Нанизанные жемчуга истории Шуфа») была в 1955 г. опубликована под названием: *Al-Munayyir, Ḥanāniyā.* Kitāb al-khūrī Ḥanāniyā al-Munayyir khuṭī [Писание многогрешного священника Ханании аль-Мунайййра] // Tārīkh Aḥmad bāshā al-Jazzār [История Ахмад-паши аль-Джаззара]. Bayrūt, 1955. P. 351–516. В 1984 г. она вышла отдельным изданием: *Al-Munayyir, Ḥanāniyā*. Al-Durr al-Marṣūf fī Tārīkh al-Shūf / ed. Sarkīs Ighnāṭiyūs. Bayrūt, n.d. [1984].

[12] Хроника эмира Хайдара впервые была опубликована в 1900–1901 гг. в Каире под названием *Аль-Гурар аль-хисан фи ахбар абна аз-заман* [Лучшие образцы из летописей сынов различных эпох] / Публ. Н. Мугабгаба. Каир, 1900–1901. В 1933 и 1969 гг. в Бейруте вышли новые ее редакции А. Рустума и Ф. А. Бустани под общим титулом Lubnān fī ‘ahd al-’umarā’ al-Shihābīyīn [Ливан в эпоху эмиров Шихабов].

[13] *El-Turk N.* Histoire de l’expédition française en Égypte / Publiée et traduite par M. Desgranges aîné. Paris, 1839; *al-Turk, Niḳūlā ibn Yūsuf.* Dhikr tamalluk jumhūr al-Faransāwiya al-aḳṭār al-Miṣriya wa-l-bilād al-Shāmiya [Воспоминания об овладении Французской республикой Египтом и странами Леванта]. Paris, 1839.

[14] *Turk, Nicolas.* Chronique d’Égypte, 1798–1804 / Éd. et tr. Par Gaston Wiet. Le Caire, 1950; *al-Turk, Niḳūlā ibn Yūsuf.* Mudhakkirāt Niḳūlā al-Turk [Записки Никулы ат-Турка]. Le Caire, 1950.

[15] *Прусская Е. А.* Никула ат-Турк о Французской революции (фрагмент из хроники) / Перев. с араб. и комм. Е. А. Прусской // ФЕ 2010. Т. 42. С. 291–295.

[16] *al-Shihābī, ’amīr Ḥaydar Aḥmad.* Lubnān fī ‘ahd al-’umarā’ al-Shihābīyīn [Ливан в эпоху эмиров Шихабов]. Bayrūt, 1969. T. 2. P. 213–220. Вторичность описания Французской революции в хронике Хайдара аш-Шихаби не позволяет включить его в данный анализ в качестве самостоятельного источника.

Познакомимся с обоими летописцами чуть ближе.

Житель Халеба (Алеппо) Йусуф ибн Димитрий ибн Джирджис аль-Хури ‘Аббуд (ок. 1750–1806) происходил из купеческой семьи, различные ветви которой на протяжение XVIII–XX вв. вели торговлю в Ираке, Индии, Египте, Бейруте и Марселе. В родном городе Йусуф ибн Димитрий пользовался репутацией уважаемого домовладельца, отца шестерых детей. Его коммерческие операции разворачивались в пределах сиро-иракского региона: известно, что Йусуф ездил по торговым делам в Багдад, там же в 1799 г. обосновался его сын Ниаматаллах, а второй сын Михаил – несколько позже в Басре. Помимо предпринимательства, Йусуф ‘Аббуд проявил себя как активный член местной мелькитской общины, ему неоднократно приходилось представлять единоверцев на переговорах с властями. Отпевал Йусуфа ибн Димитрия униатский архиепископ Халеба Германус Адам (1777–1809 гг.) во главе хора из 12 священников, что было весьма почетно[17]. Вышедшая из-под пера Йусуфа ‘Аббуда хроника «Изучение истории Халеба и Багдада» описывает события, разворачивавшиеся в Сирии и Ираке в последней четверти XVIII – начале XIX в.

Более известным в современной историографии автором является Никула Йусуф ат-Турк (1763–1828)[18], придворный поэт-панегирист эмира Горного Ливана Башира II. Родовое прозвище ат-Турк напоминало о стамбульском происхождении предков Никулы. После французского вторжения в Египет эмир Башир отправил приближенного к нему интеллектуала на берега Нила собрать сведения об интервентах. Выбор эмира был не случаен. Баширу требовалось, чтобы его посланник был человеком письменного слова, способным зафиксировать на бумаге максимум увиденного. В то же время он не должен был состоять в духовном звании – в Ливане уже знали, как французские революционеры относятся к священнослужителям. После возвращения в Ливанский эмират Никула Йусуф был восстановлен эмиром Баширом II на прежней службе. В 1817 г. поэта разбил паралич, а вскоре он пол-

[17] *Al-Fawwāz, Maḥmūd Fawwāz.* ‘An al-mu’allif wa-l-makhṭūṭ [Об авторе и рукописи] // ‘Abbūd, Yūsuf Dimitrī al-Ḥalabī. Ḥawādith Ḥalab al-yawmiya 1771–1805. Al-Murtād fī tā’rikh Ḥalab wā Baghdād [Ежедневные события Алеппо 1771–1805. Изучение истории Халеба и Багдада] Ḥalab, 2006. P. 57–68.

[18] Обзор сочинения Никулы ат-Турка и различных вариантов его рукописи и изданий см.: *Прусская Е. А.* Арабские хроники. С. 278–280; *Haddad, George M.* The Historical Work of Niqula El-Turk (1763–1828) // Journal of the American Oriental Society. 1961. Vol. 81. № 3 (Aug.-Sep.). P. 247–251.

ностью ослеп. Его дочь Варда, сама ставшая известной поэтессой, до смерти отца заботилась о нем и записывала под диктовку его стихотворения.

Итак, оба автора принадлежали к мелькитской верхушке – сирийского Халеба и ливанского Дейр-аль-Камара. Возможно, они слышали друг о друге, но вряд ли встречались. Вошедшие в их произведения описания Французской революции во многом сходны и имеют один и тот же первоисточник: рассказы и пропагандистские брошюры французских и итальянских священников и других противников нового режима. Однако обстоятельства фиксации этого сюжета различны. Никула ат-Турк постфактум сделал повествование о Французской революции вводной частью к тексту о путешествии в оккупированный Египет. Там Никула ат-Турк имел возможность непосредственно увидеть солдат и офицеров революционной Франции, не понаслышке познакомиться с некоторыми республиканскими традициями. Таким образом, опосредованная точка зрения на события в Европе, изначально донесенная до ливанского поэта через призму взгляда информаторов, прошла через его личный опыт и его собственную рефлексию. Что касается халебского торговца Йусуфа ‘Аббуда, то он также общался с проживавшими в городе членами французской общины (в дальнейшем он уделит немало строк описанию их мытарств в ходе организованного османскими властями интернирования). Однако его собеседниками были люди, в основном обосновавшиеся в Сирии до переворота во Франции и относившиеся к новому режиму преимущественно враждебно.

Весьма показательно здесь одно обстоятельство. В хронике Йусуфа ‘Аббуда описание Французской революции и последовавших событий датировано концом 1795 г. Это прямо перекликается с сообщением его единоверца Ханании аль-Мунаййира, указавшего, что «о ереси, которая зародилась во французской стране, распространилась и весьма укрепилась, стало всем известно» в начале 1796 г.[19] В Европе уже вовсю гремели войны против революционной Франции; в Париже в 1789 г. собрались Генеральные штаты и была взята штурмом Бастилия; в августе 1792 г. король Людовик XVI был низложен, а в январе 1793 г. – казнен; пришло к власти и пало якобинское правительство; установилось правление Директории… а на Арабском Востоке полагали, что Французская

[19] *Al-Munayyir, Ḥanāniyā.* Op. cit. P. 448.

монархия живет прежней жизнью. Причины подобного неведения вполне понятны. Пребывавшие на Ближнем Востоке французские и итальянские монахи и священники, торговцы и дипломаты установили своеобразный «информационный карантин», всячески скрывая от местного населения положение дел у себя на родине. Западный христианский мир должен был выглядеть в глазах сирийцев могущественным и незыблемым, что внушало уважение к его представителям на Востоке. К 1795–1796 гг. хранить всё в секрете уже стало невозможно.

Отличия между двумя нарративами не исчерпываются обстоятельствами их появления и письменной фиксации. Первое, что бросается в глаза – терминологические несовпадения в понятийном аппарате летописцев при характеристике новых для них общественно-политических явлений.

Новый режим в прежних терминах

Эпоха Просвещения, пронизанная идеалами рационализма и свободомыслия, к концу XVIII в. еще не дала ростков на Арабском Востоке. В арабо-османском мире были не известны разработанные европейскими учеными-просветителями концепции естественного права, общественного договора, политических свобод и организации государства, ставшие идеологическим фундаментом Французской революции. Соответственно, пытаясь описать происходившие в Европе события, сирийские хронисты испытывали острый лексический дефицит. Проблему нехватки подходящих терминов арабские интеллектуалы решали, интерпретируя новые понятия через систему знакомых образов.

Экспедиционный корпус под командованием Наполеона Бонапарта вторгся в 1798 г. в Египет не просто как армия европейских захватчиков, но и как носитель новой идеологии Французской Республики. Бонапарт видел в пропаганде могучее оружие, для чего требовалось, прежде всего, сделать ее понятной для местного населения. Это оказалось непросто, хотя армию вторжения сопровождал внушительный корпус знатоков Ближнего Востока. Оба главных переводчика экспедиции: Вентюр де Паради (1742–1799) и Амеде Жобер (1779–1847) проходили лингвистическую практику во французском посольстве в Стамбуле, причем первый служил там в должности драгомана[20]. Для перевода понятия «республика» они выбрали термин *джумхур*.

[20] *Lewis B.* Op. cit. P. 115.

Арабское слово *джумхур* («толпа», «масса», «общность людей») перешло в османский, как предположил Бернард Льюис, в результате труда греческих драгоманов, искавших эквивалент для слова «республика»[21]. В исламском политическом вокабуляре выборная система правления традиционно использовалась при описании избрания халифов «Праведного халифата» (632–661 гг.) посредством консультаций (араб. *шура*) и обозначалась термином *хиляфа* («халифат»). В классических арабских комментариях и переводах античных авторов вместо греческого *πολιτεία* или латинского *res publica* употреблялось слово *мадина* (араб. «город»)[22]. Даже в позднее Средневековье египетский ученый Ахмад аль-Калькашанди (1365–1418), характеризовал Республику Генуя как «собрание людей различных рангов» (араб. *джама'а мутафавиту ль-маратиб*), а Венецию – как страну правления дожей. При османах официальное название Венецианской Республики *Венедик джюмхуру* применялось редко, уступая *Венедик дожу* (осман. «Венецианское дожество [правление дожей]») или *Венедик бейлеры* (осман. «Венецианская сеньория»)[23]. Впрочем, описывая европейские порядки, некоторые османские мыслители, такие как Кятиб Челеби (1609–1657) или Ибрагим Мутеферрика (1674–1747), использовали термин *джумхур* при упоминании Голландии, Речи Посполитой и даже Испании[24].

Второе дыхание термин *джумхур* обрел в конце XVIII в., когда османы начали осмысливать установление нового порядка во Франции и некоторых странах Европы. Именно так охарактеризовал республиканское правление глава османской внешнеполитической службы *раис аль-куттаб* Ахмед 'Атыф-эфенди в меморандуме 1798 г., где упомянул о «равенстве и республиканизме» (осман. *мюсаваат ве-джумхурийет*)[25]. Однокоренной термин официальный Стамбул стал использовать применительно к марионеточной Республике Семи Соединенных Островов (осман. *Джезаир-и*

[21] *Lewis B.* Djumhūriyya // Encyclopedia of Islam. T. 2. Leiden, 1991. P. 594.

[22] *Rosenthal F.* The Muslim concept of freedom. Leiden, 1960. P. 100–101. Концепция идеального Платоновского государства (πολιτεία) как «совершенного града» Медины времен правления там пророка Мухаммада была разработана Мухаммадом аль-Фараби (ок. 872–950) (см.: *Ефремова Н. В.* Политический идеал аль-Фараби // История философии. М., 2013. № 18. С. 176–197).

[23] *Lewis B*. Djumhūriyya. P. 594.

[24] *Yılmaz, Hüseyin.* From Serbestiyet to Hürriyet: Ottoman Statesmen and the Question of Freedom during the Late Enlightenment // Studia Islamica. 2016. Vol. 111. № 2. P. 208–211.

[25] Memorandum of Reis-ül Küttab Ahmed Atıf Efendi. – Цит. по: *Lewis B.* The Emergence of Modern Turkey. London, Oxford. 1968. P. 66–67.

Себ'а-и Мюджтеми'а Джумхуру), с 1800 г. находившейся под совместным с Россией протекторатом[26].

Слово *джумхур* вошло в арабские тексты французских прокламаций и было зафиксировано в местных анналах[27]. При этом, копируя указы, издававшиеся Наполеоном и его преемниками от лица *аль-Джумхур аль-Фарансави* (араб. «Французской Республики»)[28], находившиеся в Египте арабские летописцы 'Абд ар-Рахман аль-Джабарти и Никула ат-Турк зафиксировали и термин *машйаха*. Данное слово в арабском языке имело два основных значения: множественное число от слова *шейх* (араб. «старейшина», «глава племени») и абстрактное существительное, обозначавшее власть шейха. Появилось в хрониках оно не случайно. Французская экспедиция в Египет произошла в период правления Директории – коллективного главы государства в лице пяти директоров, избиравшихся Советом старейшин: верхней палатой законодательного корпуса. Переводчики Наполеоновской экспедиции явно испытывали сложности с адекватной передачей идей народовластия и республиканизма[29]. В результате, как отмечал израильский ученый Ами Айялон, при личном общении с египтянами они сделали акцент не на сущности республиканского правления, а на современной форме его институтов[30]. Образ «власти старейшин» как аристократической формы немонархического режима оказался арабам более понятен.

Никула ат-Турк, житель Горного Ливана, где господствовали феодальные роды друзских и маронитских шейхов, с легкостью воспринял идею республики как «власти старейшин» и широко употреблял этот термин. В разделе, посвященном истории Франции до вторжения в Египет, слово *джумхур* появляется лишь однажды, причем в предельно драматичный момент: при объявлении Людовику XVI смертного приговора[31]. Во всех остальных случаях ливанский поэт называл Республику *машйаха*. В его, по сути, трайбалист-

[26] *Lewis B.* Djumhūriyya. P. 594.

[27] *al-Jabartī, 'Abd al-Raḥmān*. Ta'rīkh muddat al-faransīs bi-miṣr, Muḥarram-rajab 1213 h. [История пребывания французов в Египте. Мухаррам-раджаб 1213 Х] / Ed. S. Moreh. Leiden, 1975. Plates XIII, XIV, XVa, XVb.

[28] См., например: *al-Jabartī, 'Abd al-Raḥmān.* 'Ajā'ib al-Āthār fī-'l-Tarājim wa-'l-Akhbār [Чудесные хроники в жизнеописаниях и событиях] / eds. Thomas Philipp and Moshe Perlmann. Stuttgart, 1994. T. 3. P. 6; *al-Turk, Niḳūlā*. Mudhakkirāt Niḳūlā al-Turk. P. 11.

[29] *Ayalon A.* Op. cit. P. 99.

[30] *Ayalon A.* Semantics and the Modern History of Non-European Societies: Arab 'Republics' as a case Study // The Historical Journal. 1985. Vol. 28, № 4 (Dec.). P. 826.

[31] *al-Turk, Niḳūlā.* Dhikr tamalluk djumhūr al-Faransāwiya. P. 5.

ской системе понятий и ценностей Французская Республика являлась режимом, при котором основные вопросы управления страной находятся в руках «народных старейшин (араб. *маша'их аш-ша'аб*), пользующихся доверием [народа]»[32]. Система власти во Французской монархии в одной из редакций хроники выглядела так: король «выносил решения об устройстве и порядке в королевстве на рассмотрение народных старейшин в большом *диване*-собрании, и у короля там был только первый голос, а после него – у старейшин, и таким образом управлялось это королевство»[33]. После свержения короля, на момент вторжения Францией управляли «пятеро старейшин», однако по возвращению из Египта Бонапарт «напал на них и убил троих»[34]. Назначение Наполеона после этого первым консулом (10–12 декабря 1799 г.) Никула ат-Турк возводил к традициям «республики римлян (*машйихат ар-руманийин*) древних времен»[35].

Восприятие идеи машйаха не встретило никаких сложностей в Горном Ливане: в 1796 г. Ханания аль-Мунаййир назвал этим термином французский республиканский порядок[36], а позднее эмир Хайдар аш-Шихаби воспроизвел соответствующие разделы из летописи ат-Турка без каких-либо комментариев и исправлений[37]. Напротив, Йусуф 'Аббуд, писавший о французской революции еще до установления режима Директории, термин *машйаха* не использовал вовсе; у него не было оснований считать, что Республика – это «власть старейшин».

Любопытно, что не только Венецию[38], но и Британию Никула ат-Турк считал государством, находившимся под «властью старейшин», и называл его «английская машйаха»[39]. Перечисляя страны, объявившие войну Франции, он подчеркивал, что сделал это не «султан Англии», подобно другим европейским владыкам, а «государство Англия»[40], отказывая тем самым британскому конституционному монарху в праве единоличного принятия решений. Французская Республика в картине мира Никулы ат-Турка как бы становилась в один ряд с Англией и ее парламентской системой.

---

[32] Ibid. P. 3.
[33] *al-Turk, Niḳūlā*. Mudhakkirāt Niḳūlā al-Turk. P. 3.
[34] Ibid. P. 97–98.
[35] Ibid. P. 98.
[36] *Al-Munayyir, Ḥanāniyā.* Op. cit. P. 448.
[37] *al-Shihābī, 'amīr Ḥaydar Aḥmad.* Op. cit. T. 2. P. 213–220.
[38] *al-Turk, Niḳūlā.* Mudhakkirāt Niḳūlā al-Turk. P. 5.
[39] Ibid. P. 78, 112.
[40] *al-Turk, Niḳūlā.* Dhikr tamalluk djumhūr al-Faransāwiya. P. 12.

Не все арабы приняли навязываемую им французами систему понятий. Египетский богослов ‘Абд ар-Рахман аль-Джабарти прибегал к терминам *джумхур* и *машйаха*, только цитируя французские прокламации. Сам же он определял Республику как *джам‘ийя* (араб. «собрание»), ибо «в этом достойном порицания нововведении (араб. *бид‘а*), которое они изобрели… у них нет ни главы, ни султана, с кем они все были бы согласны»[41]. В Халебе, на расстоянии тысячи километров пути от Каира, Йусуф ‘Аббуд для обозначения французской представительской системы использовал этот же термин, объединив под названием *джам‘ийят аль-джумхур*[42] несколько сменивших друг друга органов: Национальное учредительное собрание (1789–1791 гг.), Законодательное собрание (1791–1792 гг.) и Национальный конвент (1792–1795 гг.). Никула ат-Турк именовал *джам‘ийя* исключительно Конвент Республики, куда несчастный Людовик перед казнью пытался передать конверт со своим духовным завещанием[43]. Интересно, что слово *джам‘ийя* в значении «собрание», «общество», «ассоциация» появилось в арабском языке относительно незадолго до описываемых событий. Альберт Хаурани указывал, что в конце XVII – начале XVIII в. этим термином стали называть организованные монастырские общины и конгрегации униатов Сирии и Ливана, например учрежденный в 1708 г. греко-католический орден Сальваторианцев (араб. *джам‘ийят аль-мухаллыс*)[44]. Вероятно, уподобляя собрания представителей французского народа монашеской конгрегации, летописцы стремились подчеркнуть «братское» равенство их членов.

Общественно-политическое устройство Французской монархии Йусуф ‘Аббуд и Никула ат-Турк также описывали посредством несколько отличавшихся понятий. Сословная система, основанная на наследовании привилегий и обязанностей, принципиально чужда исламу. Тем не менее, в арабо-христианской среде уже укоренилось устойчивое обозначение европейского второго «аристократического» сословия: *ашра́ф* или *шурафа́* (араб. «благородные»)[45]. Этот тер-

[41] *al-Djabartī, ‘Abd al-Raḥmān*. Ta’rīkh muddat al-faransīs bi-miṣr. P. 11, 46–50; *al-Jabartī, ‘Abd al-Raḥmān.* Maẓhar al-taḳdīs bi-dhahāb dawlat al-Faransīs [Демонстрация благочестия в условиях упадка господства французов] / ed. ‘Abd al-Rāziḳ ‘Īsā wa ‘Imād Aḥmad Hilāl. al-Ḳāhira, 1998. P. 60.

[42] *‘Abbūd, Yūsuf Dimitrī.* Op. cit. P. 273, 274.

[43] *al-Turk, Niḳūlā.* Dhikr tamalluk djumhūr al-Faransāwiya. P. 5.

[44] *Hourani A.H.* Djam‘iyya // Encyclopedia of Islam. T. II. Leiden, 1991. P. 428.

[45] В арабо-мусульманском мире *шариф* (мн.ч. *ашраф*) – наследственный титул, объединявший потомков пророка Мухаммада по линии его внуков Хасана и Хусейна.

мин соответствовал *noblesse* – общему названию французской знати – и его использовали и Йусуф ‘Аббуд[46], и Никула ат-Турк[47]. В одной из редакций хроники ат-Турк несколько раз использует связку *аль-умара’ ва-ль-ашраф* (араб. «эмиры и благородные»)[48], очевидно, обозначая так высшее и низшее феодальное дворянство. Однако применительно к европейскому третьему «работающему» сословию халебский и ливанский летописцы употребляли разные термины. Никула ат-Турк (а вслед за ним и Хайдар аш-Шихаби) в данном контексте ограничивался звучавшими нейтрально словами *ша‘аб* (араб. «народ») или *‘амма* (араб. «простонародье», «масса»)[49]. Йусуф ‘Аббуд оказался более экспрессивен. В его представлении основную часть населения Франции составлял *хакыр* (араб. «подлый люд»), который он также именует *ра‘йя*[50]. Это многозначное слово в Османской империи в широком смысле применялось для определения податного населения страны, в узком – крестьянства. С XVIII столетия термин *ра‘йя* стал также обозначать подданных-немусульман[51].

Религиозное мировоззрение Йусуфа ‘Аббуда сказывалось и на том, как он называл саму революцию. В отличие от Никулы ат-Турка, именовавшего восстание против французского короля просто «волнением» (араб. *хиядж*) или «смутой» (араб. *бальбаля*), халебский летописец использовал термин *ар-ридда*[52] (араб. «вероотступничество»)[53]. Текстовая вставка, в которой парижская «площадь Революции» переводилась как место «Переворота» (араб. *инкылаб*) или «Подъема» (араб. *нухуд*), появилась в тексте рукописи ‘Аббуда уже позже[54].

---

[46] *‘Abbūd, Yūsuf Dimitrī.* Op. cit. P. 272.

[47] *al-Turk, Niḳūlā*. Dhikr tamalluk djumhūr al-Faransāwiya. P. 3.

[48] *al-Turk, Niḳūlā*. Mudhakkirāt Niḳūlā al-Turk. P. 3.

[49] Ibid. P. 3; *al-Turk, Niḳūlā.* Dhikr tamalluk djumhūr al-Faransāwiya. P. 3. Упомянутый выше глава османской внешнеполитической службы Ахмед ‘Атыф-эфенди в свое меморандуме 1798 г. использовал однокоренной термин ‘авам-и нас («простой люд») (“Memorandum of Reis-ül Küttab Ahmed Atıf Efendi.” Цит. по: *Lewis B.* The Emergence of Modern Turkey. P. 67).

[50] *‘Abbūd, Yūsuf Dimitrī.* Al-Murtād fī tā’rikh Ḥalab wā Baghdād. C. 272.

[51] *Ursinus M.* Reaya // Dictionnaire de l’Empire Ottoman / Gorgeon F., Vatin N., Veinstein G. Vol. 2. Paris, 2015. P. 1778–1780.

[52] *‘Abbūd, Yūsuf Dimitrī.* Op. cit. C. 272.

[53] Отечественный ученый П. А. Грязневич доказал, что понятие «ар-ридда» на заре возникновения ислама обозначало не отступничество от веры, а отказ большинства мусульман от принятия того или иного кандидата на пост руководителя общины и государства, выражение несогласия с тем, что данный претендент отвечает необходимым требованиям. – *Грязневич П. А.* Развитие исторического сознания арабов VI–VIII вв. // Очерки истории арабской культуры V–XV вв. М., 1982. С. 83; см. также: *Якубенко К. Ю.* Формирование арабо-исламской политической идеологии (VIII – XIV вв.) // Сибирский юридический вестник. 2008. № 4 (43). С. 14. Однако к XVIII в. в данном значении термин уже не употреблялся.

[54] *‘Abbūd, Yūsuf Dimitrī.* Op. cit. C. 274.

Показательно, что Йусуф ‘Аббуд употребил слово *хуррийя* (араб. «свобода») в общественно-политическом значении, а не как юридическую антитезу рабскому положению, либо как дефиницию в инструментарии исламских теологов и мистиков[55]. Бернард Льюис ошибочно предположил, что первыми, что это сделал, были переводчики, прибывшие с Наполеоновской экспедицией[56]. Дэниел Ньюман отдал этот приоритет египетскому мыслителю XIX в. Рифаа Рафи ат-Тахтави (1801–1873)[57]. Однако из халебской летописи очевидно, что термин *хуррийя* как аналог французского *liberté* бытовал в Леванте до 1798 г. Это арабское слово несомненно, было более привычно для местных жителей, нежели османизированные формы персидских понятий: *азадлык* или *сербестийет*[58]. Термин *сербестийет* широко употреблялся османскими политиками во второй половине XVIII в. преимущественно для обозначения неподвластности одного государства другому[59], а в самом конце столетия был использован османским внешнеполитическим ведомством для обозначения «свободы», ставшей одним из лозунгов Французской революции[60].

При этом для Йусуфа ‘Аббуда идея «свободы» была формой религиозной «ереси» (араб. *гартака*): «горделивой верой». «Закон (*шариат*) свободы, – писал Йусуф ибн Димитрий, – в том, что каждый человек властвует сам над собой, совершенно не позволяет это делать никому другому и живет, как хочет»[61]. Ханания аль-Мунаййир полностью солидаризировался со своим халебским единоверцем. Он также именовал воззрения революционеров «ересью» и «неверием, безбожной верой» (араб. *куфр*). Сущность этого «отвратительного безбожия» ливанский монах видел в том, что оно велело адептам «никому не повиноваться и не назначать себе короля, поскольку, мол, управление освобожденными людьми не нуждается в ограничениях»[62]. В результате «безбожники» «отвергли все таинства, объявили недействительными священников, церкви и молитвы, отменили законные браки, став жить друг с другом как

[55] *Rosenthal F.* Ḥuriyya // Encyclopedia of Islam. T. 3. Leiden, 1986. P. 589.

[56] *Lewis B.* Ḥuriyya // Encyclopedia of Islam. T. 3. P. 589–590.

[57] *Rifā‘a Rāfi‘ al-Ṭaḥṭāwī.* An Imam in Paris: Account of a Stay in Paris by an Egyptian Cleric (1826–31) / Intr. and transl., Daniel L. Newman. London, 2004. P. 195–196.

[58] О восприятии слова «свобода» и эволюции этого понятия в османском обществе конца XVIII – начала XIX в. см.: *Yılmaz, Hüseyin.* Op. cit. P. 202–230.

[59] Ibid. P. 214–216.

[60] *Lewis B.* Ḥuriyya. P. 589–590.

[61] *‘Abbūd, Yūsuf Dimitrī.* Op. cit. C. 272.

[62] *Al-Munayyir, Ḥanāniyā.* Op. cit. P. 448.

скоты ... И не было у них ничего запретного или недопустимого и не придерживались они никаких законов или установлений»[63]. Никула ат-Турк, которому довелось непосредственно познакомиться с представителями революционной Франции, избегал называть концепцию свободы-liberté «ересью» и тем более связывать ее с «дьявольским наущением». Не впадая в излишний пафос, ливанский поэт довольно сухо констатировал, что «французы отказались от всех вероучений, закрыли церкви и монастыри, убили монахов, монашек и нескольких епископов, низвергли иконы и сломали распятия»[64].

Что касается двух других частей девиза Французской революции, то принцип «братства», возможно, воспринимался авторами левантийских хроник как упомянутая выше концепция *джам'ийя*. Понятие же «равенство», позднее переведенное французами на арабский словом *тасвийя*[65], для Йусуфа 'Аббуда являлось производным от «свободы». Обязательное ношение знаков этой «ереси» (трехцветных кокард), писал он, «делало их равными, так что благородные не превосходили ничтожных»[66]. Ханания аль-Мунаййир также обращал внимание читателя на то, что революционеры «запретили абсолютно все знатные титулы (араб. *тахсыс*)»[67]. В данном случае интересно, что мелькитские летописцы воспринимали «равенство» как ликвидацию наследственных привилегий, в то время как их столичный высокопоставленный коллега – придворный хронист Ахмед 'Асим-эфенди – полагал, что революционеры установили «равенство (*эшитлик*) богатых и бедных»[68]. Очевидно, для жителя Стамбула система имущественного неравенства была более привычна, нежели сословного.

Завязка. Восстание

Описание Французской революции строится обоими левантийскими хронистами по классической трехактной модели: «завязка», «конфронтация», «развязка». Главным героем в этом нарративе является взбунтовавшийся французский народ, а центральным событием, необратимо изменившим арку развития протагониста, – казнь его короля. Но что стало катализатором случившегося? Тут мнения арабских

[63] Ibid.
[64] *al-Turk, Niḳūlā*. Dhikr tamalluk djumhūr al-Faransāwiya. P. 11.
[65] *al-Jabartī, 'Abd al-Raḥmān*. Maẓhar al-taḳdīs bi-dhahāb dawlat al-Faransīs. P. 103–108.
[66] *'Abbūd, Yūsuf Dimitrī*. Op. cit. C. 272.
[67] *Al-Munayyir, Ḥanāniyā*. Op. cit. P. 448.
[68] *Âsım, Ahmed.* Âsım Tarihi. Vol. 1. Istanbul, 1870. P. 78. Цит. по: *Turnaoğlu, Banu.* The Formation of Turkish Republicanism. Princeton, 2017. P. 38.

летописцев разнились. Основное расхождение заключалось в том, что было причиной, а что – следствием: тяжелые условия жизни, тяготы и нищета убили в народе веру в Бога и короля, либо все было наоборот, и из безбожия выросла неудовлетворенность французов своей текущей жизнью и устройством власти в королевстве?

Йусуф ʻАббуд однозначно занимал вторую позицию. «С дозволения Господа посеял шайтан во Франции семена, желая развратить с их помощью весь мир, и зародить у них гордыню, себялюбие и потакание страстям человеческим в такой степени, что они уверовали в фальшь дьявольского наущения, мол ни одной живой душе на земле не нужен правитель, который руководил бы ей строго и властно или с помощью одного из способов, должных привести ее в повиновение. И когда это опасное мнение распространилось среди большинства жителей страны, и они вышли из повиновения своих лидеров, и воспламенилась их горделивая вера, то принялись они распространять свой яд, вмешиваясь в государственные дела, поскольку они сперва собрались и потребовали от своего короля, чтобы он перестал взимать с подданных государственные подати»[69], – так, с точки зрения халебского купца, выглядела последовательность событий. Лишь коротко и как бы нехотя он упоминает, что «множество знати там были прежде освобождены от уплаты податей»[70]. Ханания аль-Мунаййир, разделяя точку зрения ʻАббуда о религиозных корнях мятежа, указывал, что «эту ересь уже много лет скрывали и таили ее приверженцы»[71].

Никула ат-Турк, хотя ритуально и оговаривался, что республика появилась «по воле Всемогущего Господа»[72], но причины восстания видел в сфере не религиозной, а политико-административной: «…Открылось скрываемое годами. Люди потребовали нового порядка и нового устройства, – констатировал ливанский летописец. – Единоличное правление короля привело к большой разрухе в королевстве, а знать изнежилась в своем достатке, в то время как народ претерпевал невзгоды и тяжести. По этим причинам взбунтовался французский народ»[73]. В другой редакции хронист называл французское простонародье «до предела покоренным и униженным»[74].

---

[69] *ʻAbbūd, Yūsuf Dimitrī.* Op. cit. C. 272.
[70] Ibid.
[71] *Al-Munayyir, Ḥanāniyā.* Op. cit. P. 448.
[72] *al-Turk, Niḳūlā.* Mudhakkirāt Niḳūlā al-Turk. P. 1.
[73] Цит. по: *Прусская Е. А.* Никула ат-Турк о французской революции. С. 291.
[74] *al-Turk, Niḳūlā.* Mudhakkirāt Niḳūlā al-Turk. P. 3.

Согласно описанию Никулы ат-Турка, на первом этапе восстания Людовик XVI вел себя неподобающе государю и просто мужчине. Летописец делал акцент на малодушии короля. Монарх, который своим правлением довел народ до мятежа, а после – трепещет перед ворвавшейся в его дворец «огромной толпой людей с налившимися кровью глазами»[75], готов подписать любые их требования и совершает неловкую попытку побега, явно не вызывает уважения у автора хроники. На фоне трусливого и слабовольного Людовика мятежники выглядят достаточно выигрышно. Их желания – «преодолеть трудности и устранить несправедливости» – весьма благородны, требования – заменить единоличное правление монарха на коллегиальное, при котором учреждаются Большое собрание (араб. *махфаль джасим*) и Великий совет (араб. *диван азым*), где «король имеет первый голос среди народных старейшин»[76], – вполне логичны.

У Йусуфа ʻАббуда Людовик XVI изначально выглядит более достойно: «человек богобоязненный, покорный законам Божьим, добрый сын Апостольской Церкви»[77], он выступает жертвой судьбы, а не ее безвольной марионеткой. На первом этапе революции, описанной у ʻАббуда намного обстоятельнее, чем у ат-Турка, который вообще спрессовал в один год трехлетние события от штурма Бастилии до ареста Людовика, король активно противостоит еретикам-мятежникам с их «извращенными взглядами»[78]. Монарх с преданными ему войсками сражается против бунтовщиков в 1790 и в 1792 гг., причем первый случай ʻАббуд описывает как «страшное побоище во дворце, в котором ему [королю. – *Т. К.*] еле удалось спасти свою жизнь»[79], а второй – как штурм и сожжение крепости (очевидно, дворца Тюильри 10 августа 1792 г.). На фоне этого сопротивления даже упомянутая попытка побега Людовика не выглядит столь унизительно. Продолжением борьбы короля с мятежниками и стал, по мнению халебского летописца, развязанный революционерами террор: «О ком они тайно выведывали и узнавали при помощи хитростей, что он любит короля, то приговаривали его к смерти и конфискации имущества»[80]. Средства

[75] Ibid.
[76] *al-Turk, Niḳūlā*. Dhikr tamalluk djumhūr al-Faransāwiya. P. 3.
[77] *ʻAbbūd, Yūsuf Dimitrī.* Op. cit. C. 272.
[78] Ibid.
[79] Ibid. Прообразом этого описания стало вторжение в Версаль 5 октября 1789 г.
[80] *ʻAbbūd, Yūsuf Dimitrī.* Op. cit. C. 273.

на борьбу республиканцы добывали, заставляя раскошеливаться «торговцев и состоятельных людей», а также «изымая собственность церквей и монастырей»[81].

Остается вопрос, насколько проживавшие в Османской империи арабо-христиане глубоко воспринимали укоренившийся в Европе статус монарха как Помазанника Божьего? Таинство помазания венценосца дарами Святого Духа (в случае французского короля – миром, по легенде принесенным голубкой с небес в 496 г.) придавало ему особые качества, необходимые для управления страной. Мы видим, что в летописи Йусуфа ‘Аббуда подчеркивается, что именно французский народ несправедливо расторг неписанный двусторонний договор с законным и праведным правителем, нарушил свою обязанность хранить ему верность и покорность. Бунт против Помазанника Божьего Людовика XVI таким образом стал бунтом против Бога, впадением в дьявольскую ересь, которой нет оправдания. Напротив, Никула ат-Турк обращал внимание на слабости и несовершенства короля и на несправедливости его правления. Монарх, который довел своих подданных до восстания, заслуживал быть казненным.

Конфронтация. Казнь короля

Суд над королем и его казнь у обоих левантийских авторов, несомненно, является центральным и одновременно кульминационным актом трагедии Французской революции. При этом конфронтация монарха и восставшего народа разворачивается в форме духовного противостояния.

Оба летописца максимально подробно описывают события, связанные с казнью. Единственная точная дата, появляющаяся в данном разделе хроник, – 21 января 1793 г.: день приведения приговора в силу. Основой повествований стал мартиролог Людовика XVI, продвигавшийся как французскими роялистами, так и Римской церковью. 17 июня 1793 г. папа Пий VI выступил с речью, в которой заявил, что убийцы государя, скинув с его головы королевскую корону, водрузили на нее пальмовую ветвь[82]. Стремительно распространявшийся поток брошюр и проповедей, гравюр и картин вел к фактической сакрализации монарха, превращая его

[81] Ibid. С. 272–273.

[82] *Proyart, Liévin-Bonaventure.* Louis XVI et ses vertus aux prises avec la perversité de son siècle, Paris, 1808. T. 6. P. 77. Пальмовая ветвь – в католической традиции атрибут святых, претерпевших мученическую смерть. Символ восходит к пальмовым листам, которые несли апостолы во время входа Иисуса в Иерусалим.

биографию в агиографию[83]. В католическом мире начал формироваться образ короля-мученика, обезглавленного на гильотине под одобрительные крики своего народа, подобно распятому на кресте Царю иудейскому[84]. Впрочем, не стоит искать в описаниях страданий Людовика канву центральных событий Страстей Христовых: ареста, суда, мучений и казни. Обвинения, выдвинутые низложенному королю французов, выглядели для него слишком невыигрышно. Поэтому агиографы, включая арабских авторов, сосредоточились на последних часах его жизни.

В обеих рассматриваемых хрониках казнь короля описывается в полном соответствии с нарративом католической и роялистской пропаганды. Похоже, что арабские летописцы опирались на один и тот же источник. Для Йусуфа ʻАббуда французский монарх – «блаженный и невинный король», «истинный помазанник Господа», которого еретики и безбожники принесли в жертву «яко агнца»[85]. Никула ат-Турк более сдержан в эпитетах, нейтрально именуя Людовика XVI *султаном* или *маликом* (араб. «королем») без каких-либо дополнительных коннотаций. При этом оба летописца подчеркивают детали, рисующие образ Людовика как истинного верующего: его набожность, неодолимое стремление исповедоваться, христианское смирение, прощение своих врагов[86]. Не только ʻАббуд, но и осуждавший Людовика ат-Турк отдали должное «удивительной решимости»[87], «несравненной храбрости»[88] короля перед лицом смерти. Некоторое внимание уделено в рассказах и политике: безмолвию выстроенных на пути движения повозки и вокруг эшафота солдат, попытке приговоренного отдать письмо в Конвент и его последним словам: «Французы! … Я желаю, чтобы моя смерть принесла пользу народу!»[89]

Сила духа, проявленная Людовиком перед лицом правящей яростной силы («бешеной злобы», как писал ʻАббуд[90]) напоминала

[83] *Bujoli-Minetti M.* De l'homme au martyr: les images «saintes» de Louis XVI en Grande-Bretagne // Le sang des princes. Cultes et mémoires des souverains suppliciés (XVIe – XXIe siècles). Rennes, 2014. P. 163.

[84] *Boutry Ph.* "Le Roi Martyr". La cause de Louis XVI devant la Cour de Rome // Revue d'Histoire de l'Église de France. 1990. T. 76, № 196, janvier-juin. P. 57–71.

[85] *ʻAbbūd, Yūsuf Dimitrī.* Op. cit. P. 272–273.

[86] Ibid. P. 273–274; *al-Turk, Niḳūlā*. Mudhakkirāt Niḳūlā al-Turk. P. 4–5; *al-Turk, Niḳūlā*. Dhikr tamalluk djumhūr al-Faransāwiya. P. 10–11.

[87] *al-Turk, Niḳūlā.* Dhikr tamalluk djumhūr al-Faransāwiya. P. 11.

[88] *ʻAbbūd, Yūsuf Dimitrī.* Op. cit. P. 274.

[89] *al-Turk, Niḳūlā.* Dhikr tamalluk djumhūr al-Faransāwiya. P. 11; *ʻAbbūd, Yūsuf Dimitrī.* Op. cit. P. 274.

[90] *ʻAbbūd, Yūsuf Dimitrī.* Op. cit. P. 273.

стойкость раннехристианских мучеников и являлась лейтмотивом сказания о казни у обоих арабских летописцев. Эти рассказы не идентичны. Повествование Йусуфа ʻАббуда отличается большим количеством деталей, включая описание похорон казненного короля или его горькой иронии над опасениями тюремщиков, не совершит ли он самоубийство. Текст Никулы ат-Турка содержит меньше подробностей, в некоторых из них автор явно путается. Например, пересказанный ʻАббудом упрек принцессы Марии-Терезы к ее матери, королеве Марии-Антуанетте: «Ты подготовила меня к несчастьям, но ты не отомстишь за его смерть»[91], ат-Турк, объединив обе женские фигуры, передал как наставление Людовика «своей дочери Марии-Антуанетте»: «Учись на моем несчастье и не мсти за мою смерть»[92].

За рассказом о казни в обеих хрониках следуют переводы завещания, составленного Людовиком 25 декабря 1792 г.[93] В этом пронизанном духом христианского смирения документе гражданин Луи Капет, бывший король Франции, уверенный в неизбежности смертного приговора, выражал последнюю волю близким, заявлял о своей невиновности и о прощении гонителей. По справедливому замечанию историка Бернардин Мельхиор-Бонне, завещание Людовика XVI более походило на последнюю волю глубоко набожного человека, нежели – суверена, даже свергнутого: «С самого его начала видно, что общественные дела более не в его компетенции: для него имеет значение только вступление в будущую жизнь»[94]. Переводы завещания на арабский в хрониках ʻАббуда и ат-Турка сильно отличаются[95], очевидно, что они делались независимо друг от друга, возможно, непосредственно в Халебе и в Горном Ливане. Католические миссионеры усердно переводили и распространяли текст этого документа по Арабскому Востоку.

Развязка. Экспансия революции

Казнь монарха, по мнению арабских летописцев, стала точкой невозврата в жизни французского народа и истории его революции. Никула ат-Турк, путаясь в хронологии событий, отмечал, что фран-

[91] Ibid. P. 273.

[92] *al-Turk, Niḳūlā.* Dhikr tamalluk djumhūr al-Faransāwiya. P. 5.

[93] Полный текст см.: https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k6317842g.texteImage, access: 18.01.2025.

[94] *Melchior-Bonnet B.* Le procès de Louis XVI. Paris, 1992. P. 102

[95] См.: *al-Turk, Niḳūlā.* Dhikr tamalluk djumhūr al-Faransāwiya. P. 5–10; ʻ*Abbūd, Yūsuf Dimitrī*. Op. cit. P. 275–279.

цузы в начале сентября 1793 г. «учредили ежегодный праздник в память об убийстве короля и победе народа … и стали считать его началом новой эпохи»[96]. Последняя же, полагал он, принесла Республике воинствующий антиклерикализм и рост взаимной ненависти «между народом и сторонниками короля». В стране воцарились «страшная разруха и смертельный ужас»[97]. Началась кровавая гражданская война, в которой роялисты потерпели поражение.

Йусуф ʻАббуд оставив за рамками повествования, что произошло после казни короля во Франции, сразу приступил к рассказу об общеевропейской войне. Согласно его мировоззрению, и в этом случае религия доминировала над политикой. Антифранцузская коалиция обрела облик боговдохновенного Крестового похода: «Когда монархи услышали об убийстве этого блаженного невинного короля, то восстало их монаршее рвение, движимое Тем, кто приводит всех в движение, Владыкой владык (*малик аль-мулук*) и Повелителем королевств (*рабб аль-мамалик*)»[98]. В составе коалиции автор упоминает «австрийцев, московитов, англичан, венгров и голландцев»[99]. Присутствие в перечне венгров, которые находились в то время под властью австрийских Габсбургов, не должно смущать. Венгры (араб. *анкурус*) в XVII в. в арабском мире имели репутацию главного врага османов в Европе, и имидж их грозной силы еще не до конца развеялся столетие спустя[100]. Ключевым же для ʻАббуда было то, что «глава престола св. Петра, папа римский, дал на то свое дозволение и благословил всех, кто выступит с оружием против тех злодеев»[101].

У Никулы ат-Турка другая трактовка образования коалиции. Расправившись с внутренними врагами, окрепшая Республика ультимативно потребовала от соседей: «Каждый, кто признает нашу Республику, – нам друг; а кто не признает, – нам враг. И пусть он готовится сражаться с нами, потому как мы готовы воевать хоть со всем миром»[102]. По мнению ат-Турка, единственной державой,

---

[96] *al-Turk, Niḳūlā*. Dhikr tamalluk djumhūr al-Faransāwiya. P. 11. На самом деле новое летоисчисление было введено декретом Национального конвента от 5 октября 1793 г. Началом новой эры стала дата провозглашения Республики – 22 сентября 1792 г.

[97] Ibid.

[98] *ʻAbbūd, Yūsuf Dimitrī.* Op. cit. P. 273.

[99] Ibid.

[100] *Kemp P.* Mosul and Mosuli Historians of the Jalīlī Era (1726–1834). A Thesis Submitted for the Degree of Doctor of Philisophy at the University of Oxford. Oxford, 1979. P. 291.

[101] *ʻAbbūd, Yūsuf Dimitrī.* Op. cit. P. 273.

[102] *al-Turk, Niḳūlā.* Dhikr tamalluk djumhūr al-Faransāwiya. P. 12.

установившей с Республикой дружеские отношения, стало Османское государство. Автор одновременно поражался этому и оправдывал Порту, объясняя, что османы были извечным союзником Франции «с самого своего основания». Европейские же правители, объединившись, отвергли дерзкое требование, решив «пойти войной на этот народ, вышедший за рамки дозволенного, дабы не уподоблялись ему другие народы»[103]. Летописец приводит следующий состав антифранцузской коалиции: король-император Австрии, государство Великобритания, владыка (араб. *султан*) Испании, владыка Италии[104], владыка Великого Рима и «остальные владыки стран Европы»[105].

На этом моменте повествования летописцев расходятся. Йусуф ‘Аббуд завершает свой рассказ, недовольно проворчав: «Нам нет необходимости рассказывать о том, что произошло на этой войне»[106]. Почтенного халебского торговца можно понять. Благословленный папой новый крестовый поход против еретиков провалился. Господь попустил торжество зла, и хоть промысел его был неведом, но расписывать триумф вероотступников арабо-христианский хронист не собирался.

Напротив, увлеченный политикой Никула ат-Турк уделил достаточное внимание первым походам Республики. Попытался он и ответить на вопрос: каким образом Франция смогла одолеть коалицию своих врагов, «надвигавшихся со всех сторон»[107]? Объяснением стало то, что французский народ «превосходил числом все остальные народы»[108]. Более того, перед лицом внешней угрозы французы вооружились от мала до велика, «от семилетних детей и старше и посвятили себя войне со всеми, кто против них»[109]. О том же сообщал и Ханания аль-Мунаййир, указывая, что «французы …всецело предались войне»[110]. По сути, хотя и с художественными преувеличениями, ат-Турк писал о введении в августе 1793 г. всеобщей воинской повинности, обеспечившей

---

[103] Ibid. См.: *Прусская Е. А.* Никула ат-Турк о Французской революции. С. 294.

[104] В другой редакции «владыки стран Италии» (*al-Turk, Niḳūlā*. Mudhakkirāt Niḳūlā al-Turk. P. 5). Также ат-Турк упомянул, что Италией владели 11 государей. – *al-Turk, Niḳūlā.* Dhikr tamalluk djumhūr al-Faransāwiya. P. 13.

[105] Ibid. P. 12.

[106] *‘Abbūd, Yūsuf Dimitrī.* Op. cit. C. 273.

[107] *al-Turk, Niḳūlā.* Dhikr tamalluk djumhūr al-Faransāwiya. P. 12.

[108] *al-Turk, Niḳūlā.* Mudhakkirāt Niḳūlā al-Turk. P. 5.

[109] Ibid.

[110] *Al-Munayyir, Ḥanāniyā.* Op. cit. P. 466.

французской армии колоссальное численное преимущество, и о царившем в революционных войсках воодушевлении. В результате огромные армии французов подобно «могучим полноводным рекам» обрушились на противников, затопляя «город за городом и королевство за королевством»[111].

Второй причиной успехов стали полководческие таланты французских военачальников и, прежде всего, «главного предводителя их войск, доблестного героя, обладающего могучей силой, эмира Бонапарте»[112]. Ат-Турк, вероятно, имел некоторую информацию о развернувшейся среди республиканских лидеров борьбе за власть, в которой «некоторые на этом выиграли, некоторые – проиграли»[113]. Из числа победителей, считал летописец, выделился «настоящий хищный лев, не имеющий себе равных»[114], главнокомандующий Бонапарте. Версия об особой роли Наполеона во Французской революции бытовала на Ближнем Востоке. Православный бейрутец Абдаллах Трад вообще полагал, что именно Бонапарт и «взбунтовался против французского короля, убил его и установил во Франции республиканское правление»[115]. «Ум, удачливость и счастье» Наполеона, которого ат-Турк считал «автором всех побед»[116], позволяли ему «удивительным образом» перемещать массы войск «с запада на восток, двигаясь со скоростью молнии»[117]. В одной из редакций, вероятно, пытаясь придать Бонапарту сверхчеловеческий образ, ат-Турк упоминал о различной длине его рук[118] – физической аномалии, не подтверждающейся никакими источниками.

В целом ливанский хронист верно, хотя и очень схематично описал наполеоновскую кампанию 1796–1797 гг.: поход в Северную Италию, взятие там важных крепостей, марш на Вену и принуждение австрийцев к заключению перемирия. Отдельное внимание он уделил двум ужаснувшим его событиям: захвату и разграблению французами сперва Венеции[119], в которую как в «наичистейшую невинную деву»[120] еще никто никогда не вторгался,

[111] *al-Turk, Niḳūlā.* Dhikr tamalluk djumhūr al-Faransāwiya. P. 12.
[112] *al-Turk, Niḳūlā.* Mudhakkirāt Niḳūlā al-Turk. P. 2.
[113] Ibid. P. 1.
[114] *al-Turk, Niḳūlā.* Dhikr tamalluk djumhūr al-Faransāwiya. P. 13.
[115] *Трад, Абдаллах.* Указ. соч. С. 179.
[116] *al-Turk, Niḳūlā.* Dhikr tamalluk djumhūr al-Faransāwiya. P. 13.
[117] *al-Turk, Niḳūlā*. Mudhakkirāt Niḳūlā al-Turk. P. 2.
[118] *al-Turk, Niḳūlā.* Dhikr tamalluk djumhūr al-Faransāwiya. P. 13.
[119] Венеция была захвачена 16 мая 1796 г.
[120] *al-Turk, Niḳūlā*. Dhikr tamalluk djumhūr al-Faransāwiya. P. 13; *al-Turk, Niqūlā*. Mudhakkirāt Niqūlā al-Turk. P. 5.

а после этого – Рима[121]. В одной из редакций хроники ат-Турк описывал падение папской власти довольно лаконично, хотя и упомянул о вывозе понтифика из Рима, во второй – о депортации говорить не стал, зато живописал, как «было разрушено устройство этого великого города, унижены клирики и монахи, попраны [святые] реликвии и распятия, христиане подвергнуты страшному насилию»[122]. Особо удручало летописца то, что «многие из римлян переняли взгляды французов»[123].

В результате длившихся 6 лет войн, сообщал Никула ат-Турк, Республика покорила большую часть упомянутых стран[124]. Ханания аль-Мунаййир в своей летописи сообщал о 300 «неприступных городах и могучих крепостях …в странах Запада»[125], захваченных французами. «Своих противников привели они к покорности, а врагов – устрашили, …в сердца людей вселился страх перед их силой», – констатировал ливанский монах. Следующим шагом после покорения Запада для Бонапарта и его воинства, сочли арабы, явилось порабощение Востока. В Тулоне стал строиться огромный флот – в одной редакции хроники ат-Турка из 380[126], а другой – из 450[127] кораблей, на которые было посажено от 53 тыс. до 60 тыс. человек: в том числе 30–36 тыс. солдат[128]. Эта армада двинулась на завоевание Египта.

Сила слова: сиро-христиане встречают республиканскую армию

В феврале 1799 г., желая вырваться из ставшей ловушкой Долины Нила и нанести османам предупредительный удар, Наполеон вторгся в соседнюю Сирию. Выступив в поход с относительно малочисленными силами – всего 13 тыс. человек – полководец намеревался «вооружить христиан Сирии, поднять восстание друзов и маронитов»[129], вследствие чего в армию влилось бы еще 18 тыс. бойцов[130].

[121] Французские войска под командованием Луи Александра Бертье вошли в Рим 10 февраля 1798 г.

[122] *al-Turk, Niḳūlā*. Dhikr tamalluk djumhūr al-Faransāwiya. P. 14.

[123] Ibid.

[124] Ibid.; *al-Turk, Niḳūlā*. Mudhakkirāt Niḳūlā al-Turk. P. 5.

[125] *Al-Munayyir, Ḥanāniyā*. Op. cit. P. 466.

[126] *al-Turk, Niḳūlā*. Mudhakkirāt Niḳūlā al-Turk. P. 5.

[127] *al-Turk, Niḳūlā.* Dhikr tamalluk djumhūr al-Faransāwiya. P. 14.

[128] Ibid.; *al-Turk, Niḳūlā*. Mudhakkirāt Niḳūlā al-Turk. P. 5.

[129] *Наполеон Бонапарт*. Избранные произведения. М., 1956. С. 538.

[130] *Bertrand H. G.* Campagnes d'Égypte et de Syrie, 1798–1799. Mémoires pour server à l'histoire de Napoléon, dictés par lui-même à Sainte-Hélène et publiés par le general Bertrand. Paris, 1847. T. 2. P. 25. Фигурирующая в воспоминаниях графа де Лас-Каза цифра в 600 тыс.

К его разочарованию во французский лагерь под Аккой явилось лишь 900 шиитов-*мутавали*, а также несколько тысяч христиан. При этом большую их часть составляли женщины, дети и старики. В основном христиане прибыли из Назарета, Сафада, Шафа-Амра и других палестинских городков и селений, где они не чувствовали себя в безопасности от гнева мусульман в дни вторжения европейцев.

Провал мобилизационных планов Бонапарта стал одной из причин бесславного окончания Сирийского похода[131]. Вероятно, ситуация сложилась бы иначе, если бы французам в дополнение к блестящей победе над османской армией под горой Табор (16 апреля 1799 г.) удалось сокрушить твердыню Акки, защищаемой Ахмад-пашой аль-Джаззаром и британским коммодором Сиднеем Смитом. В дни осады Акки греко-католический священник Руфа‘ил Карама аль-Химси (1730–1800) писал, что «христиане радовались приходу французов»[132], но христианская часть элит Горного Ливана заняла выжидательную позицию. Башир II и маронитский патриарх Йусуф VII Тиййан (1796–1809 гг.) не торопились прийти на помощь ни одной из сторон. Эмир Башир не прерывал переписку с Наполеоном[133] и получал от него дорогие подарки[134], однако реальной поддержки не оказывал. Обещание выделить 12 тыс. горцев для похода на Дамаск, которое под впечатлением битвы при горе Табор эмиссары эмира дали Бонапарту, осталось лишь на словах[135]. Патриарх Йусуф Тиййан призвал маронитских шейхов собрать войска и держать их наготове, но в ожидании исхода борьбы за Акку отправил французам только нескольких человек с грузом вина и другими дарами[136]. В сопроводительном письме к Бонапарту патриарх подчеркивал, что де-

сирийцев, на которые Бонапарт, якобы, ожидал пополнить свою армию, является явным преувеличением (Esprit du Mémorial de Ste. Hélène, par le Comte de Las Cases. T. 1. Paris, 1823. P. 362).

[131] Подробнее см.: *Кобищанов Т. Ю.* Христианские общины в арабо-османском мире (XVII – первая треть XIX в.). М., 2003. С. 197-201; *Жантиев Д. Р., Кириллина С. А.* Французская политика в отношении христиан Египта и Сирии во время Восточной экспедиции Бонапарта // ФЕ. 2019. Т. 52. С. 136–143.

[132] *Karāma, Rufā‘īl al-Ḥimṣī.* Maṣādir tārīḫiya. Ḥawādith Lubnān wa Sūriya min sanat 1745 ilā sanat 1800 [Исторические источники. События Ливана и Сирии с 1745 по 1800 г.]. Bayrūt, 1969. P. 157.

[133] *La Jonquiere C., de.* L’Expédition d’Égypte. Paris, 1900. T. 5. P. 313.

[134] *Perrier F.* La Syrie sous le gouvernement de Mehemet-Ali, jusqu’en 1840. Paris, 1842. P. 331.

[135] *Bertrand H. G.* Op. cit. T. 2. P. 90–92.

[136] *Harik, Iliya F.* Politics and Change in a Traditional Society: Lebanon, 1711–1845. Princeton, 1968. P. 203.

лает это «из любви к нашим братьям-французам, а не к вам, кто преследовал католическую церковь»[137].

В результате Наполеон мог похвастаться только тем, что сирийские христиане лечили больных и раненых и поставляли его войскам продовольствие[138]. Арабские источники также отмечали, что местные христиане «приносили им [французам] вино и товары, за что брали у них много денег»[139]. Ханания аль-Мунаййир, то ли возмущаясь алчностью единоверцев, то ли восхищаясь их коммерческой сметкой, вспоминал, что они продавали французам вино по 130 *курушей*[140] за *кантар*[141], а арак[142] – по 6 курушей за *ратль*. После ухода интервентов цены на алкоголь упали до 20 курушей за вино и 1¼ – за арак, то есть в 5–6 раз[143].

Сирийские христиане не только наживались на французских солдатах, но и пытались понять, справедливы ли рассказы о предавшемся дьявольской ереси развращенном народе, казнившем своего короля. Бонапарт отмечал в мемуарах, что, оказавшись в Святых местах, «вся армия была охвачена праздничным настроением; …несколько старых солдат, воспитанных в семинариях, распевали духовные гимны и “Плач Иеремии”»[144]. Однако сами местные христиане были неприятно удивлены тем, что республиканские солдаты слабо знали Библию[145]. Напрасно Наполеон заверял патриарха Тиййана в своей преданности католической вере[146]. Эти слова меркли перед разошедшейся по Сирии, а затем и по Европе историей о том, что французский главнокомандующий обещал посадить на Голгофе Дерево Свободы[147], а в Храме Гроба Господня – захоронить первого павшего при штурме Иерусалима солдата[148].

---

137 Ibid.

138 *Наполеон Бонапарт.* Египетский поход. СПб., 2000. С. 240.

139 *al-Shihābī, ʼamīr Ḥaydar Aḥmad.* Op. cit. T. 2. P. 263.

140 *Киршь* (мн.ч. *куруш*) – серебряная османская монета. Европейцы чаще называли его «пиастр».

141 *Кантар* – исламская объемно-весовая мерная единица. Состояла из 100 ратлей от 406 до 449,28 г в каждом.

142 Ароматизированный анисом алкогольный напиток крепостью 40º–60º.

143 *Al-Munayyir, Ḥanāniyā.* Op. cit. P. 470.

144 *Наполеон Бонапарт.* Кампании в Египте и Сирии (1798–1799 гг.) // О военном искусстве. Избранные произведения. Речи. М., 2003. С. 591.

145 *Bertrand H. G.* Op. cit. T. 2. P. 65.

146 *Harik, Ilya F.* Op. cit. P. 203.

147 Во Франции и захваченных республиканцами странах Европы Дерево Свободы было одним из важнейших революционных символов, выполнявшим алтарные функции.

148 *Spilsbury F. B.* Picturesque Scenery in the Holy Land and Syria Delineated During the Campaigns of 1799 and 1800. London, 1823. P. 69.

Уже принадлежавшие к следующему поколению наблюдатели подчеркивали роль, которую католическая пропаганда сыграла в настороженном отношении местных христиан к республиканской армии. Как отмечал российский консул в Бейруте К. М. Базили (1809–1884), «в эту эпоху духовенство маронитское и духовенство римское, поселенное в Ливане, успели заблаговременно изобразить Бонапартово войско самыми отвратительными красками и учили детей арабской грамоте по переводу составленных римскими миссионерами описаний французской революции»[149]. При подходе французов местные монастыри открывали свои ворота, предоставляли солдатам кров, вино и продовольствие, ухаживали за ранеными и больными «так, как могли бы заботиться сами французы»[150]. Однако, внешне проявляя христианское смирение и человеколюбие, священники и монахи внутренне испытывали противоположные чувства. «Да избавит Бог нашу страну от нашествия этих безбожных ползучих гадов и да поможет Он народу египетскому», – писал маронитский клирик Джирджис Ганем патриарху Тиййану[151]. Никакого сочувствия не питало к захватчикам и местное православное духовенство. Бейрутский священник Абдаллах Трад отмечал: «Их [французов] боялись во всех сирийских областях вплоть до Алеппо и страшились их власти, ибо все знали их как безбожных еретиков»[152]. Его современник игумен лавры св. Саввы Неофит Кипрский, не скрывая удовлетворения, вспоминал, как эпидемия чумы «божественною косою выкосила их [вторгшихся в Сирию французов. – *Т. К.*] как колосья»[153].

Можно констатировать, что пропагандистскую войну за симпатии сиро-христиан Наполеон проиграл. Письма, прокламации и листовки французского командования не смогли разрушить созданный католической церковью демонизированный образ революционеров-республиканцев. Жестокости, которые проявили французы, устроив бойню на улицах Яффы, казнив тысячи безоружных османских пленных, сжигая палестинские деревни,

[149] *Базили К. М.* Сирия и Палестина под турецким правительством в историческом и политическом отношениях. М., 1962. С. 69.

[150] *Наполеон Бонапарт.* Египетский поход. С. 240.

[151] La Révolution française et l'Orient. 1789–1989. Paris, 1989. P. 267.

[152] *Трад, Абдаллах.* Указ. соч. С. 181.

[153] *Неофит Кипрский.* Рассказ Неофита Кипрскаго о находящихся в Иерусалиме христианских вероисповеданиях и о ссорах их между собой по поводу мест поклонения // Материалы для истории Иерусалимской патриархии XVI–XIX века. Т. 1. СПб., 1901. С. 30.

только укрепляли сирийцев в мнении, что в их земли пришло «воинство шайтана»[154].

Принадлежащие перу христиан сиро-ливанские хроники в полной мере отразили неприязнь к французам, испытываемую их воцерковленными авторами. Однако в различной тональности арабских летописцев при описании событий Французской революции есть еще одна причина. Йусуф ‘Аббуд, Ханания аль-Мунаййир, Абдаллах Трад составляли анналы, можно сказать, для «внутреннего использования». Их реальными и потенциальными читателями были «свои»: члены одного церковного прихода, в крайнем случае – заезжие клирики-единоверцы. Что касается Никулы ат-Турка, то его сочинение имело высокопоставленного адресата: эмира Башира II Шихаба[155]. Соответственно в свои строки ат-Турк стремился вложить смыслы, способные повлиять на правителя, направить его политику в благотворном направлении.

Как полагал историк Жан Шараф, умозаключения Никулы ат-Турка подтолкнули эмира Хайдара аш-Шихаби, а вероятно и его кузена Башира II задуматься о необходимости дать ливанскому простонародью больше социально-политических прав и свобод за счет местной феодальной знати[156]. Второй период правления эмира Башира (1804–1832) был отмечен не только усилением личной власти и изгнанием крупнейших друзских феодалов, но и некоторыми социальными реформами. «Нельзя относиться с уважением к правительству, которому наплевать на своих подданных», – заявил эмир посетившему его в 1833 г. барону Шарлю Буалекомту[157]. В этой позиции слышится страх народного восстания, подобно тому, о котором Башир прочитал на страницах летописи Никулы ат-Турка.

---

[154] *Кириллина С. А.* Бунабарди-паша и «воинство шайтана»: ислам в политике Восточной экспедиции Бонапарта (1798–1801 гг.) // ФЕ. 2017. Т. 50. С. 219–238.

[155] Аналогично хроника его современника египтянина ‘Абд ар-Рахмана аль-Джабарти «Мазхар ат-такдис би-заваль давлят аль-фаранис» («Священное знамение об окончании господства французов») составлялась для вручения османскому великому везиру Йусуфу Кёр-паше.

[156] *Charaf J.* L’emir Ḥaydar Aḥmad al-Shihābī et les leçons de l’épopée Napoléonienne // Les Européens vus par les Libanais à l’époque ottoman / ed. Bernard Heyberger, Carsten Walbiner. Beirut, 2002. P. 94.

[157] Rapport du Baron de Boislecomte du 9 août 1833 // Douin G. La mission de Baron de Boislecomte. L’Egypte et la Syrie en 1833. Le Caire, 1927. P. 192.

REFERENCES

Базили К. М. Сирия и Палестина под турецким правительством в историческом и политическом отношениях. М., 1962 [Bazili K. M. Siriya i Palestina pod tureckim pravitel'stvom v istoricheskom i politicheskom otnosheniyah. Moscow, 1962].

Грязневич П. А. Развитие исторического сознания арабов VI–VIII вв. // Очерки истории арабской культуры V–XV вв. М., 1982. С. 75–155 [Gryaznevich P.A. Razvitie istoricheskogo soznaniya arabov VI–VIII vv. // Ocherki istorii arabskoj kul'tury V–XV vv. Moscow, 1982. S. 75–155].

Ефремова Н. В. Политический идеал аль-Фараби // История философии. М., 2013. № 18. С. 176–197 [Efremova N. V. Politicheskij ideal al'-Farabi // Istoriya filosofii. Moscow, 2013. № 18. S. 176–197].

Жантиев Д. Р., Кириллина С. А. «Свои» – «чужие»: французское вторжение в Левант на рубеже XVIII–XIX вв. глазами арабских современников // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. Выпуск 12 (98). Часть I [Zhantiev D. R., Kirillina S. A. «Svoi» – «chuzhie»: francuzskoe vtorzhenie v Levant na rubezhe XVIII–XIX vv. glazami arabskih sovremennikov // Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal «Istoriya». 2020. T. 11. Vypusk 12 (98). Chast' I]. URL: https://history.jes.su/s207987840010437-9-1/

Жантиев Д. Р., Кириллина С. А. Французская политика в отношении христиан Египта и Сирии во время Восточной экспедиции Бонапарта // Французский ежегодник. 2019. Т. 52. С. 128–147 [Zhantiev D. R., Kirillina S. A. Francuzskaya politika v otnoshenii hristian Egipta i Sirii vo vremya Vostochnoj ekspedicii Bonaparta // Francuzskij ezhegodnik. 2019. T. 52. S. 128–147].

Кириллина С. А. Исламские институты Османского Египта в XVIII – первой трети XIX века. Lewiston; Queenston; Lampeter, 2000 [Kirillina S. A. Islamskie instituty Osmanskogo Egipta v XVIII – pervoj treti XIX veka. Lewiston; Queenston; Lampeter, 2000].

Кириллина С. А. Бунабарди-паша и «воинство шайтана»: ислам в политике Восточной экспедиции Бонапарта (1798–1801 гг.) // Французский ежегодник. 2017. Т. 50. С. 219–238 [Kirillina S.A. Bunabardi-pasha i «voinstvo shajtana»: islam v politike Vostochnoj ekspedicii Bonaparta (1798–1801 gg.) // Francuzskij ezhegodnik. 2017. T. 50. S. 219–238].

Кобищанов Т. Ю. Христианские общины в арабо-османском мире (XVII – первая треть XIX в.) М., 2003. [Kobishchanov T.YU. Hristianskie obshchiny v arabo-osmanskom mire (XVII – pervaya tret' XIX v.). M., 2003].

Прусская Е. А. Арабские хроники как источник по истории Египетской экспедиции Бонапарта // Французский ежегодник. 2010. Т. 42. С. 274–290 [Prusskaya E.A. Arabskie hroniki kak istochnik po istorii Egipetskoj ekspedicii Bonaparta // Francuzskij ezhegodnik. 2010. T. 42. S. 274–290].

Прусская Е. А. Французская экспедиция в Египет 1798–1801 гг.: взаимное восприятие двух цивилизаций. М., 2016 [Prusskaya E.A. Francuzskaya ekspediciya v Egipet 1798–1801 gg.: vzaimnoe vospriyatie dvuh civilizacij. Moscow, 2016].

Трад, Абдаллах. Краткая история епископов, восходивших на высокую архиерейскую кафедру города Бейрута / Пер. И. Г. Константинопольского) // Арабы-христиане в истории и литературе Ближнего Востока. М., 2013. С. 162–201 [Trad, Abdallah. Kratkaya istoriya episkopov, voskhodivshih na vysokuyu arhierejskuyu kafedru goroda Bejruta (per. I.G. Konstantinopol'skogo) // Araby-hristiane v istorii i literature Blizhnego Vostoka. Moscow, 2013. S. 162–201].

Якубенко К. Ю. Формирование арабо-исламской политической идеологии (VIII – XIV вв.) // Сибирский юридический вестник. 2008. № 4 (43). С. 13–21. [Yakubenko K. Yu. Formirovanie arabo-islamskoj politicheskoj ideologii (VIII – XIV vv.) // Sibirskij yuridicheskij vestnik. 2008. № 4 (43). S. 13–21].

ʻAbbūd, Yūsuf Dimitrī al-Ḥalabī. Ḥawādith Ḥalab al-yawmiyya 1771–1805. Al-Murtād fī tāʼrikh Ḥalab wā Baghdād [Ежедневные события Алеппо 1771–1805. Изучение истории Халеба и Багдада] Ḥalab, 2006.

al-ʻAbd, Ḥasan-ağa. Tārikh Ḥasan-agha al-ʻAbd: ḳiṭʻa minhu. Ḥawādith sanat 1186 ilā sanat 1241 H (История Хасан-аги аль-ʻАбда. Отрывок. События 1186–1241 гг. X) / Ed. Naʻīsa, Yȳsuf Djamīl. Dimashḳ, 1979.

Ayalon A. Semantics and the Modern History of Non-European Societies: Arab ‘Republics’ as a case Study // The Historical Journal. 1985. Vol. 28. № 4 (Dec.). P. 821–834.

Ayalon A. Language and Change in the Arab Middle East: The Evolution of Modern Arabic Political Discourse. New York, Oxford, 1987.

Boutry Ph. “Le Roi Martyr”. La cause de Louis XVI devant la Cour de Rome // Revue d’Histoire de l’Église de France. 1990. T. 76. № 196 (janvier-juin). P. 57–71.

Bujoli-Minetti M. De l’homme au martyr: les images «saintes» de Louis XVI en Grande-Bretagne // Le sang des princes. Cultes et mémoires des souverains suppliciés (XVIe-XXIe siècles). Rennes, 2014. P. 163–174.

Charaf J. L’emir Ḥaydar Aḥmad al-Shihābī et les leçons de l’épopée Napoléonienne // Les Européens vus par les Libanais à l’époque ottoman / Ed. Bernard Heyberger, Carsten Walbiner. Beirut, 2002. P. 81–96.

al-Djabartī, ʻAbd al-Raḥmān. Ta'rīkh muddat al-faransīs bi-miṣr, Muḥarram-radjab 1213 h. [История пребывания французов в Египте. Мухаррам-раджаб 1213 Х] / Ed. S. Moreh. Leiden, 1975.

al-Djabartī, ʻAbd al-Raḥmān. ʻAdjā'ib al-Āthār fī-'l-Tarādjim wa-'l-Akhbār [Чудесные хроники в жизнеописаниях и событиях] / Eds. Thomas Philipp and Moshe Perlmann. Stuttgart, 1994.

al-Djabartī, ʻAbd al-Raḥmān. Maẓhar al-taḳdīs bi-dhahāb dawlat al-Faransīs [Демонстрация благочестия в условиях упадка господства французов] / Ed. ʻAbd al-Rāziḳ ʻĪsā wa ʻImād Aḥmad Hilāl. al-Ḳāhira, 1998.

Haddad, George M. The Historical Work of Niqula El-Turk (1763–1828) // Journal of the American Oriental Society. 1961. Vol. 81. № 3 (Aug.-Sep.). P. 247–251.

Harik I. F. Politics and Change in a Traditional Society: Lebanon, 1711–1845. Princeton, 1968.

Kemp P. Mosul and Mosuli Historians of the Jalīlī Era (1726–1834). A Thesis Submitted for the Degree of Doctor of Philisophy at the University of Oxford. Oxford, 1979.

Kahraman, Sakul. An Ottoman global moment: War of Second Coalition in the Levant. A Dissertation submitted to the Faculty of the Graduate School of Arts and Sciences of Georgetown University. Washington, 2009.

Karāma, Ruſāʻīl al-Ḥimṣī. Maṣādir tārīḫiya. Ḥawādith Lubnān wa Sūriya min sanat 1745 ilā sanat 1800 [Исторические источники. События Ливана и Сирии с 1745 по 1800 г.]. Bayrūt, 1969.

Lewis B. The Impact of the French Revolution on Turkey: Some Notes on the Transmission of Ideas // Journal of World History 1. 1953. № 1. P. 105–125.

Lewis B. The Emergence of Modern Turkey. London, Oxford. 1968.

Lewis B. Ḥuriyya // Encyclopedia of Islam. T. 3. Leiden, 1986. P. 589–590.

Lewis B. Djumhūriyya // Encyclopedia of Islam. T. 2. Leiden, 1991. P. 594–595.

Melchior-Bonnet B. Le procès de Louis XVI. Paris, 1992.

al-Munayyir, Ḥanāniyā. Kitāb al-khūrī Ḥanāniyā al-Munayyir khuṭī [Писание многогрешного священника Ханании аль-Мунаййира] // Tārīkh Aḥmad bāshā al-Djazzār [История Ахмад-паши аль-Джаззара]. Bayrūt, 1955. P. 351–516.

al-Munayyir, Ḥanāniyā. Al-Durr al-Marṣūf fī Tārīkh al-Shūf / Ed. Sarkīs Ighnāṭiyūs. Bayrūt, n.d. [1984].

Philipp Th. The French and the French Revolution in the Works of al-Jabarti // Eighteenth Century Egypt: The Arabic Manuscript Sources / Ed. by D. Crecelius. Claremont, Los Angeles, 1990. P. 127–140.

Rosenthal F. The Muslim concept of freedom. Leiden, 1960.
Rosenthal F. Ḥuriyya // Encyclopedia of Islam. T. 3. Leiden, 1986. P. 589.
al-Rukaynī, Ḥaydar Riḍā. Djabal ‘Āmil fī-l-ḳarn, 1163–1247 H/ 1749–1832 M. Bayrūt, 1997.
Sajdi, Dana. In Other Worlds? Mapping Out the Spatial Imaginaries of 18th-Century Chroniclers from the Ottoman Levant (Bilād al-Shām) // Osmanlı Araştırmaları / The Journal of Ottoman Studies. 2014. Vol. 44. P. 357–392.
Shaw S. J. Between Old and New: The Ottoman Empire under Sultan Selim III, 1789–1807. Cambridge, 1971.
al-Shihābī, ’amīr Ḥaydar Aḥmad. Lubnān fī ‘ahd al-’umarā’ al-Shihābīyyīn [Ливан в эпоху эмиров Шихабов]. Bayrūt, 1969.
Soysal, İsmail. Fransız İhtilâli ve Türk-Fransız Diplomasi Münasebetleri. Ankara, 1999.
Turk, Nicolas. Chronique d’Égypte, 1798–1804 / Éd. et tr. par Gaston Wiet. Le Caire, 1950.
al-Turk, Niḳūlā ibn Yūsuf. Mudhakkirāt Niḳūlā al-Turk [Записки Никулы ат-Турка]. Le Caire, 1950.
Turnaoğlu, Banu. The Formation of Turkish Republicanism. Princeton, 2017.
Ursinus M. Reaya // Dictionnaire de l’Empire Ottoman / Gorgeon F., Vatin N., Veinstein G. Vol. 2. Paris, 2015. P. 1778–1780.
Yeşil, Fatih. Looking at the French Revolution through Ottoman Eyes: Ebubekir Ratib Efendi’s Observations // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. 2007. Vol. 70. № 2. P. 283–304.
Yılmaz, Hüseyin. From Serbestiyet to Hürriyet: Ottoman Statesmen and the Question of Freedom during the Late Enlightenment // Studia Islamica. 2016. Vol. 111. № 2. P. 202–230.

Кобищанов, Тарас Юрьевич
кандидат исторических наук, доцент
кафедра истории стран
Ближнего и Среднего Востока
Институт стран Азии и Африки
(ИСАА) МГУ им. М.В. Ломоносова
125009, Москва, ул. Моховая, д. 11
e-mail: kobischanov@mail.ru

Taras Kobishchanov
PhD (History), Associate Professor
Department of History of the Near
and Middle East
Institute of Asian and African Studies
(IAAS) Lomonosov Moscow
State University 83
125009, Moscow, 11 Mohovaya str.
e-mail: kobischanov@mail.ru
ORCID: 0000-0001-8165-0897
ResearcherID: AAV-6437-2021
Scopus AuthorID: 57220932499